

2.5. Метафизика фрагмента: интертекстуальный комментарий к фрагментам «Поэмы о Царской Семье» М. И. Цветаевой

Если бы мне на выбор — никогда не увидеть России — или никогда не увидеть своих черновых тетрадей (хотя бы этой, с вариантами Царской Семьи) — не задумываясь, сразу. И ясно — что.

Россия без меня обойдется, тетради — нет.

Я без России обойдусь, без тетрадей — нет.

Потому что вовсе не: жить и писать, а жить = писать и: писать — жить. То есть все осуществляется и даже живет (понимается...) только в тетради.

*М. И. Цветаева. Из записи
в черновой тетради*

Большая «Поэма о Царской Семье», над которой Цветаева работала с 1929 по 1936 г., дошла до нас лишь в черновых фрагментах¹. Завершив поэму в 1936 г., Цветаева прочитала ее на ве-

чере у Лебедевых в Париже. По воспоминаниям присутствующего М. Л. Слонима, поэма «была длинная, с описаниями Екатеринбурга и Тобольска, напоминавшими отдельные места из цветаевской “Сибири”. <...> Почти все они показались мне очень яркими и смелыми. Чтение длилось больше часу»². Цветаева не смогла опубликовать ее в эмиграции по политическим причинам. Перед отъездом Цветаевой из Франции в 1939 г. поэма вместе с другими стихами и прозой, которые она считала «неподходящими для ввоза в СССР», была отослана в международный социалистический архив в Амстердаме, который был уничтожен немецкой авиацией во время оккупации Голландии³. Цветаевой удалось опубликовать лишь главу «Сибирь» (Воля России, 1931, № 3—4).

В 1981 г., при подготовке к публикации неоконченной поэмы «Певница» (1935), Е. Б. Коркина обнаружила в черновой тетради записи, относящиеся к «Поэме о Царской Семье»⁴: «Оказалось, что в 1936 г. Цветаева воспользовалась чистыми листами в середине тетради, оставленными для продолжения “Певницы” (которого никогда не последовало), для правки имеющегося к тому времени текста “Поэмы о Царской Семье”»⁵. Дошедшие до нас «случайные обломки»⁶ поэмы — это перечень 24 глав с эпизодами, подлежащими правке, а также стихотворные фрагменты и отдельные строки с вариантами. Судя по перечню глав, поэма представляла собой хронику последнего пути Романовых — их отъезд из Царского Села, дорога в Тобольск, жизнь в Тобольске и гибель в Екатеринбурге:

I. СБОРЫ. II. СТАНЦИЯ ОСТАНЕТСЯ. III. ПАРОХОД РУСЬ. IV. СИБИРЬ. V. ВАЛ. VI. ТОБОЛЬСК (видение). VII. ПРИСТАНЬ. VIII. СИБИРЬ. IX. ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ КАРТОЧКИ. X. ДЕНЬ. XI. АНЯ(?). XII. КАРАУЛКА. XIII. ВАСИЛИЙ СЕМЕНЫЧ. XIV. КНЯЖНЫ. XIV. (так! — Е. К.) ПОЧТА ЦЕНЗУРА ПЕРЛЮСТРАЦИЯ. XV. ШТОПАЛЫШИЦА. XVI. ПИСЬМО. XVII. ПОРТЬЕРЫ. XVIII. ПОГУЛЯТЬ. XIX. ЦЕРКОВЬ. XX. ЕЛКА. XXI. ГАДАНЬЕ. XXII. ПЛАЧ КНЯЖЕН. XXIII. КРАСНУХА. XXIV. ВЕЧЕР. <...> NB! Работы много вначале. Дочистить все написанное, а потом — может быть — собирательный Екатеринбург. Поэму. (Ничего не доносится, кроме пения)⁷.

Впервые пять черновых фрагментов (1. «...ежевика»; 2. «И опять — стопудовым жерновом»; 3. «Аня с круглыми плечами»; 4. «Вот — двое. В могучих руках — каравай»; 5. «Обитель на горе») были опубликованы Е. Б. Коркиной в 1990 г.⁸ В более полном виде (с перечнем глав, эпизодов и вариантами правки) фрагменты поэмы (за исключением первого) были опубликованы ею же в 1992 г.: «И опять — стопудовым жерновом» (из главы I «Сборы»), «Есть у меня для твоих Княжен...» (из главы IV «Сибирь»), «Аня с круглыми плечами» (из главы XI «Аня»), «Вот — двое. В могучих руках — каравай» (возможно, из главы XVI «Письмо») и «Обитель на горе»⁹. В третьем томе Собрания сочинений Цветаевой были опубликованы «Сибирь» (в плане поэмы значилась восьмой главой) и фрагменты поэмы по изданию 1990 г. (с черновыми вариантами «Есть у меня для твоих Княжен...» и «О чем она просила» по публикации 1992 г.)¹⁰.

2.5.1. «...На стороне жертв, а не палачей»

Узнав в июле 1918 г. об убийстве царя (убийство семьи и слуг большевики скрывали¹¹), Цветаева открыто манифестирует при всеобщем равнодушии граждан свою приобщенность к монархической, православной традиции:

Расстрел Николая Романова! Расстрел Николая Романова! Николай Романов расстрелян рабочим Белобородовым! Смотрю на людей, тоже ждущих трамвая, и тоже (то же!) слышащих. Рабочие, равная интеллигенция, солдаты, женщины с детьми. Ничего. Хоть бы кто! Хоть бы что! Покупают газету, проглядывают мельком, снова отводят глаза — куда? Да так, в пустоту. А может, трамвай выколдовывают. Тогда я, Але, сдавленным, ровным и громким голосом (кто таким говорил — знает): «Аля, убили русского царя, Николая II. Помолись за упокой его души! И Алин тщательный, с глубоким поклоном, троекратный крест»¹². Аля поминает Царя и в своей молитве об упокоении убиенных: «Упокой, Господи, душу царя...»¹³

О том, что царевубийство было воспринято Цветаевой близко к сердцу, свидетельствуют ее мысли в чешской записной книжке 1923 г. о возможной жертве за царя, которые звучат очень лично и искренне: «Следующий пример: погиб<нуть>, спасая жизнь Царю (от физич<еского> его спасения — вплоть до утешения его в последн<ую> секунду перед казнью, вплоть до утеш<ения> его заочного: меня в Тоб<ольске> расстрел<яли>, а там, в подв<алах> Мос<ковской> Чека за меня в этот час умер другой)»¹⁴.

Ответом Цветаевой на царевубийство стала «Поэма о Царской Семье». Поводом для ее написания послужило стихотворение В. Маяковского «Император» (Свердловск, 1928), в котором Цветаевой «послышалось оправдание страшной расправы, как некоего приговора истории»: «Она настаивала на том, что... поэт должен быть на стороне жертв, а не палачей, и если история жестока и несправедлива, он обязан пойти против нее»¹⁵. В этой нравственной позиции Цветаева продолжала традиционное для русской литературы милосердие (пушкинское «И милость к падшим призывал»), выраженное, например, А. П. Чеховым в связи с судом над Э. Золя, выступившим в защиту Дрейфуса, в которой Чехов видел проявление «чистоты и нравственной высоты» писателя:

Пусть Дрейфус виноват, — и Золя все-таки прав, так как дело писателей не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание. Скажут: а политика? интересы государства? Но большие писатели и художники должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно обороняться от нее. Обвинителей, прокуроров, жандармов и без них много, и во всяком случае роль Павла им больше к лицу, чем Савла¹⁶.

Поэма продолжает тему царской семьи, начатую Цветаевой в цикле «Лебединый стан»: «Царю — на Пасху» (1917), «За Отрока — за Голубя — за Сына» (1917), «Чуть светает» (1917), «Это просто, как кровь и пот» (1918), «Бог — прав» (1918), «Над черною пучиной водною» (1918), «Царь и Бог! Простите малым» (1918), «Петру» (1920). Тема царской семьи возникает и параллельно работе над поэмой. В эссе «Открытие Музея» (1933) Цветаева воспомина-

ет приезд царя с великими княжнами и императрицей Марией Федоровной 31 мая (13 июня) 1912 г. на открытие созданного ее отцом Музея изящных искусств имени Александра III: «Бодрым ровным скорым шагом, с добрым радостным выражением больших голубых глаз, вот-вот готовых рассмеяться, и вдруг — взгляд — прямо на меня, в мои. В эту секунду я эти глаза увидела: не просто голубые, а совершенно прозрачные, чистые, льдистые, совершенно детские» (т. 5, с. 168; см. также: т. 7, с. 250, 255, 257). Этот обращенный к ней проникновенный взгляд царя, воспринятый Цветаевой как судьбоносная встреча, не мог не определить ее обращение к «Поэме о Царской Семье».

В письме к В. Н. Буниной от 28 августа 1933 г. Цветаева сформулировала принцип исторической Памяти, который можно считать одним из важнейших нравственных мотивов ее обращения к теме цареубийства: «Сегодня, не имеющее вчера, не имеет завтра» (т. 7, с. 252).

2.5.2. Долг любви

В создании поэмы Цветаевой движут не политические мотивы, а любовь к царской семье и нравственный долг, о чем она писала Р. Н. Ломоносовой 1 февраля 1930 г., отдавая себе отчет в том, что по политическим причинам поэма не будет принята ни в эмиграции, ни в Советской России: «Не нужна никому. Здесь не дойдет из-за “левизны” (“формы”, — кавычки из-за гнусности слов), там — туда просто не дойдет, физически, как все, и больше — меньше — чем все мои книги. “Для потомства?” Нет. Для очистки совести. И еще от сознания силы: любви и, если хотите, — дара. Из любящих только я смогу. Потому и должна» (т. 7, с. 317). И спустя два месяца, в письме от 3 апреля 1930 г., Цветаева, снова осознавая, что поэма не будет иметь успеха, что она как поэт, согласно любимому ею стихотворению А. К. Толстого, идет «против течения», находит себе «одно» оправдание: «И вот — пишу Перекоп (к<оторо>го никто не берет и не возьмет п. ч. для монархистов непонятен сло-

весно, а для эсеров неприемлем внутренне) — и Конец Семьи (Семи — т. е. Царской Семьи, семеро было), а завтра еще подыму на себя какую-нибудь гору. Но одно: если существует Страшный Суд Слова — я на нем буду оправдана. <...> у меня совесть слова» (т. 7, с. 320—321). В письме к А. А. Тесковой от 22 января 1931 г., сообщая, что из-за издательского кризиса она не может издать «Молодца» и напечатать «Перекоп», Цветаева предрекает подобную судьбу и «Поэме о Царской Семье»: «Поэтов не издают совсем. <...> Такова же судьба вещи, которую сейчас (уже около года) пишу. Все это — на потом, когда меня не будет, когда меня “откроют” (не откроют!)» (т. 6, с. 389).

В интервью Н. Городецкой, опубликованном 7 марта 1931 г., Цветаева признается, что написание поэмы для нее — долг любви к царской семье: «Беру именно семью, а фон — стихия. Громадная работа. Все нужно знать, что написано. А написать нужно — раз навсегда, либо вовсе не браться. В России есть люди, которые справились бы с такой темой, — но тема не их, они ее любить не могут: если бы любили, там бы не жили. Так что я чувствую это на себе, как долг» (т. 4, с. 627). Вероятно, после этого интервью А. И. Цветаева просит сестру в конце июня 1931 г. не публиковать в течение двух лет «антисоветские» вещи («Лебединый стан», «Перекоп»), беспокоясь за судьбу своего сына, А. Трухачева, об этом М. И. Цветаева делает запись в черновой тетради, в которой под «большой вещью» имеется в виду «Поэма о Царской Семье», отложенная по той причине: «просьба подождать еще два года до окончания. Таким образом у меня еще два посмертных тома. (О мои богатые наследники!) Большую вещь, пока, отложила. Ведь пишу ее не для здесь (здесь не поймут — из-за голоса), а именно для там — реванш, языком равных»¹⁷. Цветаева осознает, что поэму придется отложить «не на два [года], а до конца времен»¹⁸.

В письме к Буниной от 28 августа 1935 г. Цветаева сетует на то, что после прекращения «Воли России» в 1932 г. ее поэмы не берут в печать из-за объема: «так никогда не была (и навряд ли будет) кончена поэма о Царской Семье» (т. 7, с. 293); «Вещь, к<отор>ую сейчас пишу, — все остальные перележит» (т. 7, с. 135).

2.5.3. История создания

В письме к Ломоносовой от 1 февраля 1930 г. Цветаева изложила краткий план поэмы, начинающейся с отъезда Романовых из Царского Села и заканчивающейся гибелью в Екатеринбурге: «Сейчас пишу большую поэму о Царской Семье (конец). Написаны: Последнее Царское — Речная дорога до Тобольска — Тобольск воевод (Ермака, татар, Тобольск до Тобольска, когда еще звался Искер, или: Сибирь, отсюда — страна Сибирь). Предстоит: Семья в Тобольске, дорога в Екатеринбург, Екатеринбург — дорога на Рудник Четырех братьев (там жгли). Громадная работа: гора. Радуюсь» (т. 7, с. 317).

По записям в черновых тетрадях и письмам Цветаевой можно восстановить некоторые вехи в создании поэмы. Размышляя об отсутствии вдохновения при написании поэм, которые берутся трудолюбием и упорством, Цветаева пишет 1 июля 1929 г. о трудном начале поэмы: «Неделю бьюсь над восемью строками. Чтобы написать эту вещь так, как она была, нужно *любить* и *смочь*, т. е. быть мной, человеком, и мной, поэтом (рукою, слухом). Дай мне Бог написать эту вещь хотя бы в год. <...> Столько мыслей — и так мало строк! Столько строк — и так мало *связи*!»¹⁹. 5 июля Цветаева делает набросок, вероятно, связанный с поэмой: «(Стихи: — изваянием собственным) Второе мужеска: Ровно бы — очередь край на мученицын — семени да не хват: — сердца. У Троицы, завтра в Оптину — пусто: мощи. Целые ведра воды нашептанной — Горы просфор и рощи — Свеч — а требует — полыни горше — следу нет — Порча —)»²⁰. В ноябре того же года, работая над «Сибирью»: «Я: Сонный киргиз... Конный тайгиз... (Тайгиз — узкая тропа в тайге)»²¹.

31 января 1930 г. в Медоне Цветаева отмечает о строках в главе «Сибирь», посвященных Д. Чичерину («...Дававший на немощь, / Дававший на мощь»): «Хорошо!»²². 4 февраля в связи с сибирской темой записывает: «Меховые малахан (Я. Сибирь)»²³. Из письма к Тесковой от 17 октября понятно, что работе над поэмой препятствует нищета, постоянно сопровождающая Цветаеву в эмиграции: «Живем в долг в лавочке, и часто нет 1 фр<анка> 15 с<антимов>, чтобы

ехать в Париж. <...> Сейчас продолжаю большую вещь, начатую еще прошлой зимой. Писать некогда, но все-таки пишу. Жизнь, из-за безденежья, еще не налажена» (т. 6, с. 388—389). 18 октября в письме к Н. П. Гронскому Цветаева вспоминает обращение Александры Федоровны к Н. П. Саблину* в ее письмах: «Милый Н. П.! (Так царица писала Саблину)» (т. 7, с. 218).

В начале 1931 г. Цветаева просит Бога о том, чтобы закончить поэму до конца года (отметив, что закончила главу «Обед» и начала главу «Елка»): «Дай Бог — в Новом Году — всем здоровья, всем — успешного ученья — мне — дописать в этом году <...> (К 1^{му} дню русск<ого> Рождества дописана главка Обед и начата Елка — окончена 10го янв<аря> 1931 г.)»²⁴. 18 января Цветаева закончила главу «Гаданье» и записала в тетради не вошедшие в нее строки:

...По имени звала мать,
По имени будет звать
Жених: — Оля! Милая!
А не по фамилии...
(Невошедшее. Гаданье кончено в канун русск<ого> Крещения.)
...Как — а вот и не додам! —
Подносимую к губам
Руку — вот и облизись! —
Вдруг оттягивала вниз...²⁵

Вероятно, к поэме относится запись, сделанная между 18 и 21 февраля: «(Сплошными столбцами поправки к Потопу)»²⁶. 1 марта напи-

* Саблин Николай Павлович (1880—1937) — офицер императорской яхты «Штандарт», флигель-адъютант, по его собственному признанию, «в продолжение десяти лет стал одним из близких людей к царской семье» (цит. по: Гуль Р. Я унес Россию : Апология эмиграции : в 3 т. Нью-Йорк, 1984. Т. 2 : Россия во Франции. С. 222). После отречения Николая II, по свидетельству очевидцев, «Саблин не явился и больше не показался царской семье» (Соколов Н. А. Убийство Царской Семьи. Тула ; М., 1990. С. 26). Умер в Париже. Императрица использует инициалы имени и отчества Саблина («Н. П.») в своих письмах к Николаю II (Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II / пер. с англ. В. Д. Набокова. Берлин, 1922. Т. 2. С. 491, именной указатель).

сан «черновик очередной главы» «Вот — двое. В могучих руках — караван» (возможно, из главы XVI «Письмо»)²⁷. 3 июня, сетуя в письме к Тесковой на тяжелую семейную жизнь, Цветаева отмечает: «пишу вещь, которая при невероятной трудности осуществления (сколько раз — бросала!) никому не нужна...» (т. 7, с. 394). Но в этот же день, возобновляя работу над поэмой, просит: «Господи, дай мне до последнего вздоха пребыть героем труда: — Итак, с Богом!» (т. 4, с. 601, 675). 3—5 июня записывает в Мёдоне: «— Сияющее на лицах: — “Свобода — пожива — земляца!”»²⁸. 19 декабря на своем литературном вечере в Париже, собравшем «не больше двадцати человек» (написавший о нем заметку А. Унтервальд оценил это как позор литературной эмиграции, не пришедшей на вечер «великого русского поэта»), Цветаева читала отрывки из «Поэмы о Царской Семье»²⁹.

28 января 1936 г. Цветаева приступила к правке имеющегося у нее к тому времени текста поэмы («Итак, с Богом!»), затем возобновила правку 16 февраля, отметив препятствующие работе тяжелые бытовые условия: «— Савоя — довязыванье одеяла — суета — печи — все прочее»³⁰. В письме к Тесковой от 29 марта Цветаева осознает, что в ситуации отъезда в СССР «половину» рукописей по политическим причинам ей придется оставить во Франции и никогда их больше не увидеть: «То, встав утром радостная: заспав! — сразу кидаюсь к рукописи... то — сразу вспомнив — à quoi bon? (Чего ради? (фр.)) все равно не допишу, а — допишу — все равно брошу: в лучшем случае похороню заживо в каком-нибудь архиве: никогда не смогу перечесть! (не то, что: прочесть или — напечатать)...» (т. 6, с. 436). Последнее упоминание о поэме в письме к А. С. Штейгеру от 9 августа того же года, где Цветаева приводит четверостишие из I главы «Сборы»:

Над пылающим лицом:
Тем, с глазами пьющими*,
Сколько песен шепотком
Спето, петель спущено!

* В черновой тетради более десятка (!) вариантов первого двустипия.

(Это о Царице с ее раненым: “Мой раненый” — помните?)» (т. 7, с. 575, 495, 542). Последняя фраза отсылает к письму Александры Федоровны Николаю II от 2 марта 1915 г.: «Мой бедный раненый друг скончался. Бог взял его мирно и тихо к себе. Я по обыкновению была с ним утром и более часа днем. Он очень много говорил — все шопотом, все о своей службе на Кавказе. Страшно интересно и так остроумно. И его большие глаза сияли»³¹. В Царскосельском лазарете императрица как сестра милосердия лично ассистировала на операциях, делала раненым перевязки — об этом упоминается в ее письмах к Николаю II, а также в воспоминаниях И. В. Степанова (см. о нем далее), которые стали источниками приведенной строфы: «Она говорила, что называется, громким шепотом. <...> В перевязочной работала как рядовая помощница. <...> Гедройц уверяла, что у нее определенные способности к хирургии. По собственному опыту знаю, что ее перевязки держались дольше и крепче других. <...> Я был первым, которому она сама сделала всю перевязку. <...> Вернувшись во дворец, она сказала Е. А. Шнейдер, которая еще не знала о моем приезде: “J’ai fait mon premier pansement a votre petit aux longs cils” (Я сделала свою первую перевязку вашему малышу с длинными ресницами (фр.))»³².

2.5.3. «Поэт и историк»: документальность как художественный принцип

Работая над поэмой, Цветаева изучила обширный исторический материал. В письме к Тесковой от 25 декабря 1929 г. Цветаева жаловалась, что взваливает на себя очередную «гору» поэмы: «Что бы мне писать восьмистишия! Беспоследственные и безответственные. А то — источники, проверка материалов, исписанные тетради, вся громадная работа до. “Как птицы небесные”... Нет» (т. 6, с. 52). В письме к Буниной от 26 августа 1933 г. Цветаева писала о своем бесконечном стремлении к фактичности, к «всезнанию»: «Мне, чтобы написать хотя бы очень мало, нужен огромный материал, весь о данной (какой угодно!) вещи, сознание — всезна-

ния, а там можно — хоть десять строк! Мне стыдно» (т. 7, с. 250). Отмечая, что в ней «вечно и страстно борются поэт и историк», Цветаева призналась, что в «огромной (неконченной) вещи о Царской Семье» «историк поэта — загнал» (т. 7, с. 253). В письме к С. Андрониковой-Гальперн от 15 июля 1929 г. Цветаева просит устроить для нее встречу с В. В. Вырубовым*: «мне нужно все знать о государыне А<лександр>е Ф<едоровне> — м. б., он может указать мне иностранные источники, к<отор>ых я не знаю, м. б., живо что-нибудь из устных рассказов Вырубовой. М. б., я ошибаюсь, и он совсем далек? Но тогда — общественные настроения тех дней (коронация, Ходынка, японская война) — он ведь уже был взрослым? (я росла за границей и Японскую войну помню по немецкой школе: не то). <...> Кто еще может знать? (О молодой государыне)» (т. 7, с. 123). Спустя несколько недель в письме от 20 августа 1929 г. Цветаева сообщила Андрониковой-Гальперн, что «прочла весь имеющийся материал о Царице» (т. 7, с. 124).

Из конкретных источников, на которые Цветаева опиралась при создании поэмы, в своих письмах она упоминает С. Ю. Витте (т. 7, с. 211), рукопись И. В. Степанова** (т. 7, с. 411, 500, 124 и др.)³³

* Василий Васильевич Вырубов (1879—1963) — российский земский и государственный деятель, из пензенских дворян, после февральской революции — товарищ министра внутренних дел Временного правительства (при премьер-министре Г. Е. Львове), помощник по гражданским делам при начальниках штаба Верховного главнокомандующего в Ставке. В 1918 г. был направлен адмиралом Колчаком за границу для переговоров с союзниками. Обосновался в Париже. Председатель Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. Член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. Скончался в Париже. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Его брат, Александр Васильевич Вырубов (1880—1919), был женат на фрейлине и ближайшей подруге императрицы А. А. Танеевой (Вырубовой). Андроникова-Гальперн дружила с сыном В. В. Вырубова, Н. В. Вырубовым (1915—2009), который жил в ее доме (*Вырубов Н. В.* Русская фамилия Вырубовы // Наше наследие. 1993. № 28. С. 105—106).

** Книга И. В. Степанова опубликована под названием «Милосердия двери. Лазарет Ея Величества» в журнале «Возрождение» (1957, № 67).

и книгу С. П. Белецкого (т. 7, с. 124)³⁴. Важнейшим источником для Цветаевой стали письма императрицы к А. А. Танеевой (Вырубовой)* и воспоминания последней (Русская летопись, 1922, кн. 4) (т. 7, с. 250, 302). В мае — июне 1926 г. Цветаева прочитала книгу «Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II» (пер. с англ. В. Д. Набокова; Берлин, 1922, т. 1—2³⁵): «Две недели сряду читала письма императрицы, и две недели сряду, под их влиянием (в ушах навязало!) писала ужасающие» (т. 6, с. 320).

Судя по упоминанию в уже процитированном цветаевском письме рудника Четырех братьев, где уничтожались тела Царской Семьи и их слуг (т. 7, с. 317), а также по прямому указанию в черновой тетради («Книга С[около]ва и Екатеринбург»³⁶), Цветаева была знакома с книгой следователя Н. А. Соколова «Убийство царской семьи» (Париж, 1925) — первым документальным расследованием, в котором излагались подробности убийства, в том числе и сжигание трупов на руднике: «Части трупов сжигались в кострах при помощи бензина и уничтожались серной кислотой»³⁷. Цветаева могла быть знакома и с другими посвященными царской семье публикациями, появившимися в 1920-е гг. в эмиграции³⁸. О глубоком фактическом знании Цветаевой всех обстоятельств тобольской ссылки царской семьи свидетельствует ее разговор с А. Ф. Керенским 17 марта 1936 г. на его парижском докладе «Крушение монархии и гибель царской семьи» (т. 6, с. 435, 506).

Из очевидцев, общавшихся с царской семьей, Цветаева была знакома с И. В. Степановым** (т. 6, с. 411, 500), А. Ф. Керенским***,

* Анна Александровна Вырубова, урожд. Танеева (1884—1964) — дочь главноуправляющего императорской канцелярии А. С. Танеева, фрейлина, ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны. В январе 1921 г. бежала с матерью в Финляндию. В 1923 г. приняла тайный монашеский постриг с именем Мария (в честь св. Марии Магдалины).

** Иван Владимирович Степанов (ок. 1896 — 1933) — капитан лейб-гвардии Семеновского полка, общался с царской семьей, лечась в лазарете ее величества во время Первой мировой войны.

*** Александр Федорович Керенский (1881—1970) — министр-председатель Временного правительства, Верховный главнокомандующий, с 1918 г. в эмиграции во Франции, с 1940 г. — в США.

отправившим царскую семью в тобольскую ссылку (т. 6, с. 434—435, 437, 506, 533, 544—545; т. 7, с. 494), гр. В. В. Комаровским*, а также, возможно, с графиней Е. Б. Татищевой**.

2.5.4. Образ Сибири: летописные и историографические источники

В главе «Сибирь», которая в плане поэмы была помечена словом «хороша», образ Сибири раскрывается через историю ее столицы в эпической антитезе прошлого и настоящего:

Казацкая, татарская
Кровь с молоком кобыл
Степных... Тобольск, «Град-Царствующ
Сибирь» — забыл, чем был?

(т. 3, с. 185)

Цветаева опирается здесь на летописный образ «града Тоболеска»:

В лето 7095, при державе благочестиваго государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси и по его царскому изволению, послан с Москвы ево государев воевода Данило Чюлков со многими воинскими людьми. По повелению государьскому доидоша до реки Иртыша, от града Сибири пятнадцать поприщъ; благоизволи ту просветити место во славословие Отцу и Сыну и Святому Духу: вместо сего царствующаго града причтен Сибири; старейшина бысть сей град Тоболеск, понеже бо ту победа и одоление на окаян-

* Виктор Владимирович Комаровский (1866—1934) — действительный статский советник, церемониймейстер при дворе Николая II (см.: Цветаева М. И. Неизданное. Сводные тетради. С. 428, 601).

** Екатерина Борисовна Татищева, урожд. княжна Мещерская (1848—1930) — вдова графа А. Н. Татищева, действительного статского советника, игравшего значительную роль при дворе (Там же. С. 446, 607).

ных бусормен бысть, паче ж и вместо царствующаго града причтен Сибири*³⁹.

Прошлое Тобольска — это идиллическое время органического слияния человека с природой («Кровь с молоком кобыл»), эпический сказочно-былинный хронотоп (казаки как герои-богатыри):

Посадка-то! лошадка-то!
А? — шапка высока!
А шустрота под шапкой-то!
С доставкой ясака.

(т. 3, с. 185)

Прошлое Тобольска выражается также доисторическим, фольклорным циклическим хронотопом с характерной для него инверсией (локализация цели в прошлом):

Как — «краше сказок няниных
Страна: что в рай — что в Пермь...»

(т. 3, с. 185)

Это представление о Сибири как рае восходит к летописному образу первозданной Земли Сибирской (изобилующей деревьями, цветами, животными, сладкоголосыми птицами, сладчайшими реками), в котором проступает библейский образ Эдема (Быт. 2:8—20):

На сем же камене растуше различныя древеса, кедр и инии протчии, в них же жителство имеют зверие различныя, елени и протчие на снедь человеком — лоси и зайцы, а инии ко украшению и одеянию ризному потребни суть человеком: бобры, лисицы, соболи, белки, песцы, разсомаки, выдры, горностаи и подобныя сим; многия ж и сладкопесивыя птицы, паче же многообразныя травныя цветы красующеся. Из сего же камени реки многия истекоша: овии поидоша к Российскому царству, овии ж в Сибирскую землю. Дивно убо есть се, како судьбами Божиими тако реки истекоша и дивно устрои-

* Здесь и далее тексты, напечатанные дореформенным шрифтом, цитируются по правилам современной орфографии, но с сохранением орфографических и пунктуационных особенностей оригинала.

шая, яко вода твердый камень раскопа; и быша реки пространны зело и прекрасны, в них же воды сладчайшия и рыб различных зело премножество⁴⁰.

Но далее образ Сибири предстает двойственным — сибирский «рай» в первом двустишии рифмуется с сибирским «грехом» во втором:

Казаки женок сманенных
Проигрывали в зернь.
(т. 3, с. 185)

Источником этого факта для Цветаевой были «Очерки русских нравов в старинной Сибири» (1867) С. Серафимовича*, писавшего о сманивании казаками в Сибирь женщин для их последующей продажи: «Большое количество русских женщин находилось в существовавшей тогда торговле; они продавались и покупались точно так же, как и инородческие невольницы. Казаки и промышленники при отправке из России сманивали с собой женщин и девушек, обещаясь жениться на них или найти им хороших мужей, но, приехав в Сибирь, продавали их как невольниц»⁴¹. Об игре казаков в зернь в контексте «обольщения» и закладывания ими как привозимых из России, так и местных женщин писал и П. А. Словцов в «Историческом обозрении Сибири» (1838—1844):

* Серафимович отмечал, что его «очерки односторонни и что их скорее бы следовало назвать не очерками нравов, а очерками пороков и недостатков сибирского населения» (*Серафимович С. (Шашков С. С.) Очерки русских нравов в старинной Сибири* // Отеч. зап. 1867. Т. 175, № 11/12. С. 271). В этом подходе автор полемизировал с сибирскими историографами (И. Э. Фишер, Г. Ф. Миллер, П. А. Словцов), приписывающими все зло недостаткам сибирской власти: «Мы своими очерками хотели показать, что недостатки администрации происходили не столько от законодательства, сколько от развращенности самого населения <...> что администрация была только зеркалом, в котором отражалась вся нравственная физиономия сибиряка» (Там же. С. 272). Серафимович упрекал Словцова в том, что в своем историческом обозрении Сибири он воспользовался лишь немногими архивными документами, заменив их топографическим описанием Сибири (Там же. Т. 174, № 9/10. С. 681).

К удивлению, первые семена ложной жизни, направление к праздному проведению времени, игра в кости (зернь) и в карты, хватливость к обманам, сперва невинным, были заброшены в Сибирь литвою, служившею в рядах с казаками, не замедлившими тому же научиться, как видно из грамоты царя Бориса в Мангазею⁴². Чем больше проходило времени, тем далее распространялось это худо, усиливаемое извинениями места и дня полярного. Чувственное житье магометан и идолопоклонников, не осуждаемое ни верованиями, ни их нравами, бессемейность казаков, одиночками отправлявшихся в страну нехристианскую, военная и удалая их жизнь, одурелость промышленников, давно с роднею расставшихся, падкость к прибыткам, выдуманная безгрешность обирать и обчитывать некресть, наконец, новая покаторость к смелостям после государственного потрясения, там и сям заявившая себя, и веселая беззаботность, пенившаяся из кружечных дворов, в 1617 г. в Сибири открытых, представляла при безгласности приходского духовенства картину жизни языческой. Казаки, увлекшись обычаем многоженства, вздумали иметь жен не одних, то чрез обольщения из России привозимых, то понимаемых в улусах и особо содержимых по городам и на отъезжих постах; но тех и других, иногда венчанных по воеводским приказам, они закладывали и мало заботились о выкупе их и участи детей⁴³.

Первоисточником сманивания казаками женщин для их последующей продажи была грамота патриарха архиепископу Сибирскому и Тобольскому: «А которые-де Сибирские служилые люди приезжают к Москве с Государевою денежною и соболиною казною, и те-де служилые люди на Москве и в иных Русских городех подговаривают многих женок (Цветаева использует в главе именно эту форму слова. — А. М.) и девок, и привозят их в Сибирские города и держат их за жен места, а иных порабащают и крепости на них емлют сильно, а иных продают Литве и Немцам и Татарам и всяким людям в работу, и иныя всякия беззаконныя дела делают, чего не токмо писати, и слышати жалостно и Богу мерзско»⁴⁴. Словцов отмечал, что основанием к описанным в грамоте «беспутствам казаков» была «грамота за подписью дьяка Андреева, веро-

ятно, на радостях данная Сибири при возврате атамана Кольцова из Москвы»:

В этой грамоте позволялось казакам, конечно *adinterim* (временно (*лат.*)), увозить из городов жен и девиц, чем и пользовались они до настоящей поры. Патриарх, приказав Киприану (о чем подтверждено и Тобольскому воеводству) выслать в Москву казачью привилегию как неуместную, поставил в виду его: а) что в Сибири не носят крестов, не хранят постных дней, живут с некрещеными женами, кумами и сестрами своих жен, при отъезде же закладывают их на срок и, не имея чем выкупить, женятся на других; и б) что духовные венчают без оглашений, постригают в иноки и инокини таких, которые, уходя из монастырей, опять живут в мире; что сами духовные потворствуют воеводам, которые краденных в России девиц продают из корысти в замужество и заставляют при себе их венчать. Вот каковы вести о начальной Сибири!⁴⁵

Киприан получил эту «обличительную грамоту» патриарха с тем, чтобы прочитать ее «в тобольских и прочих церквах епархии, при собрании воевод и жителей»⁴⁶. В отличие от Серафимовича, утверждавшего, что «факты продажи жен часто встречаются даже в актах XVIII века»⁴⁷, Слобцов, исходя из официальной версии истории Сибири, убежден, что воззвание Киприана (положившего, кстати, начало Сибирской летописи) «к правилам веры» достигло своего результата: «разумеется, что голос, поддерживаемый твердостью уважаемого монарха и родителя-патриарха, воздействовал над необузданностью, над легкомыслием, и церковь Сибирская впоследствии уверилась, что в душах сынов ея не погас лен курящийся»⁴⁸.

Сибирь — восточное, азиатское пространство казачьей вольности («Казачья, татарская»), в котором нарушаются даже строжайшие монашеские установления:

Как на земле непаханной
На речке на Туре
Монашки-то с монахами
В одном монастыре

Спасались. Не курицу —
Лис, девку подстерег
Монах. Покровско-Тушинский
Поднесь монастырек
Стоит...

(т. 3, с. 185)

Историографическим источником сожительства монахов и монахинь для Цветаевой также послужили очерки Серафимовича:

Разврат забирался даже в монастыри. Так, до митрополита Киприана в туринском Покровском монастыре монахи и монахини жили вместе, без всякого порядка и присмотра. Напрасно Киприан старался ввести туда дисциплину. Кончилось тем, что монахов и монахинь принуждены были развести, построив для монахов особый монастырь⁴⁹.

Первоисточником этого факта также была «обличительная грамота» Филарета: «а в которых де городех монастыри мужеские и девичьи устроены, и в тех де монастырех старцы и старицы живут с мирскими людьми съодного в одних домех и ничем от мирских людей не рознятся»⁵⁰.

Символическим олицетворением этого сибирского распутства предстает Распутин:

... (Костлявым служкою
Толчок: куды глядишь?
В монастыре том с кружкою
Ходил Распутин Гриш).

(т. 3, с. 185)

В описании гибели Ермака, который, согласно Карамзину, утонул в Иртыше, «отягченный железною броней, данною ему Иоанном...»⁵¹, Цветаева обыгрывает летописную интерпретацию его имени («Ермак» — «жернов»):

В такой-то — «шкуру сдергивай»
Обход — «свою, д...мак!»
Самопервейшим жерновом
Ко дну пошел Ермак.

(т. 3, с. 186)

В летописи читаем: «звашеся атаманом, прозван Ермаком, сказуется дорожной артелной таган, а по волски — жерновой мельнец рушной»⁵².

Символом амбивалентной истории сибирской столицы и Сибири в целом становится образ «двадцати трех церквей»:

Как еще вживе числятся-то,
Мертвых окромя,
Твои двадцать три тысячи
Душ, с двадцатью тремя

Церквами — где воровано,
Там молено, казак! —
С здоровыми дворовыми,
Лающими на кряк.

(т. 3, с. 188)

Источником этого образа также являются очерки Серафимовича: «Все эти богатые церкви сибирских городов, эти великолепные соборы Томска, Красноярска, Кахты: эти мраморные обшивки церковных стен, эти хрустальные иконостасы, эти массы золота, серебра и дорогих камней, все это заведено на упомянутые богатые пожертвования сибирских капиталистов. Это делалось, впрочем, не в силу только одного обета, а также из желания, посредством этого пожертвования, примириться с небом за свои нечистые дела»⁵³.

Конституирующие образ Сибири степь, тундра, морошка, миражные дали, «где только вьюга шастает», постепенно (через образ «трупа, ледяной мумии», «мерзлых останков» умершего в Березове ссыльного Меншикова) переходят в отрицательные значения

мертвого пространства, топоса смерти («тес — тулуп — сугроб», «скит», «гроб»):

Не затяни ошибкою:
«Гроб ты мой, гроб соснов!»
С дощатою обшивкою
Стен, досками мостков

И мостовых... И вся-то спит
Мошь... Тес — тулуп — сугроб
Тобольск, Тобольск, дощатый скит!
Тобольск, дощатый гроб!
(т. 3, с. 188)

Этот образ провинциально бедного, «дощатого» и холодного Тобольска навеян представлением о ссыльном Тобольске как «глухом, захолустном городе» в книге Соколова⁵⁴. Дощатый забор вокруг губернаторского дома, за который Романовым было запрещено выходить, стал символическим выражением их тобольского заключения. В письме к Вырубовой от 10 декабря 1917 г. императрица писала: «Грущу, что они [Николай II и дети] могут гулять только на дворе за досками, но по крайней мере не без воздуха, благодарны и за это»⁵⁵. П. Жильяр отметил в своем дневнике: «Дети грустно смотрят на всех этих веселящихся людей. С некоторого времени они начинают скучать, и их тяготит заключение. Они ходят кругом двора, окруженного высоким сплошным забором. С тех пор, как их гора разрушена, их единственное развлечение — пилить и рубить дрова»⁵⁶. Ключевым в письмах императрицы является мотив холода: «Мало теперь рисую, из за глаз пишу в очках — холодно, пальцы совсем окоченели. <...> Страшный ветер, дует в комнаты» (от 22 января 1918 г.); «холодно в комнатах. 29 гр. опять, 6 гр. в зале — дует невероятно» (от 23 января 1918 г.)⁵⁷. Жильяр отметил в своем дневнике: «Говорят, что градусник показывал сегодня ночью больше 30° мороза по Реомюру (37° по Цельсию). Ужасный ветер. Спальня великих княжон — настоящий ледник»⁵⁸.

«Настоящее» Тобольска — глубокий исторический сон, состояние непробудившейся «мощи», кенотическое* пространство смерти («гроб»), в которое предстоит низойти царской семье.

2.5.5. Архетип национального характера

Во фрагменте главы XI «Аня» в образе ближайшей подруги царицы, фрейлины А. А. Вырубовой, ключевым является мотив круга, выраженный не только лексически («круглые плечи», «пухлые щеки», «булочки», «брови дугою», «пуговики»), но также фоноическим и графическим нагнетанием ударных и безударных о:

Аня с круглыми плечами,
Аня с пухлыми щеками
Сдобных булочек молочных,
Потолочных
Ангелочков.
Брови дугою,
Румянец до пуговиц.
Между одной — и другою
И другом их.

Создавая «круглый» портрет Вырубовой, Цветаева опиралась на свидетельства современников. Так, в мемуарах Степанова Вырубова — добрая и отзывчивая сестра милосердия:

Молодая сестра с простоватым румяным лицом и большими красивыми глазами подходит ко мне. С первых же слов я чувствую к ней искреннюю симпатию. Славная деревенская баба. Веселая, болтливая. <...> С ней так легко говорить. <...> Она стоит, улыбается. Как-то сразу полюбил ее. Редко видел людей, столь располагающих к себе с первого знакомства. <...> Всегда в прекрасном настроении. Ее добродушие и сердечность как-то вызывали на просьбы.

* К е н о с и с (от *греч.* κένωσις — букв. «опоражнивание, пустота») — ключевой концепт православного богословия, означающий добровольно принятое Христом уничижение (Флп. 2 : 6—9).

И с какими только просьбами к ней ни обращались!.. Сколько вспомоществований, стипендий, пенсий было получено благодаря ей⁵⁹.

Ю. А. Ден дала следующий портрет Вырубовой: «Она была невысокого роста, с простодушным детским лицом, большими обворожительными глазами; ее можно было принять за школьницу...»⁶⁰

Образ круга в портрете Вырубовой переносится в восприятии царицы на образ русского народа в следующем фрагменте «Вот — двое. В могучих руках — каравай» (возможно, из главы XVI «Письмо», помеченной Цветаевой словом «хорошо»⁶¹):

Вот — двое. В могучих руках — каравай.
Проходят, кивают. И я им киваю.
Россия! Не ими загублена — эти
Большие, святые, невинные дети,
Обманутые болтунами столицы.
Какие открытые славные лица
Отечественные. Глаза — нашей Ани!..⁶²

Эта «круглость» как символ доброты и открытости русского народа, приветствующего царицу, выражается образом караваев, фоническим и графическим нагнетанием *о*, а также образом кивания (через рифму «каравай — киваю») — традиционного русского приветствия (кивать, по Далю, — «кланяться, наклоняться; подавать знак наклоненьем головы»), о котором императрица писала в тобольском письме к Вырубовой от 23 января 1918 г.: «Люди милые здесь все больше киргизы. Сижу у окна и киваю им, и они отвечают и другие тоже, когда солдаты не смотрят»⁶³. Этот мотив повторится и в четвертом фрагменте: «С приветом и с хлебом / Давно уже скрылись, а все еще следом / Киваю...» (с. 670). В этой «круглости», открытости цветаевский образ русского народа восходит к архетипическому образу Платона Каратаева, которого Толстой определил в романе как «олицетворение всего русского, доброго и круглого». Эта отсылка к «Войне и миру» у Цветаевой скорее всего была осознанной, так как ей было известно, что Вырубова приходилась прапраправнучкой М. В. Кутузову⁶⁴.

Вера царицы в русский народ, «обманутый болтунами столицы», звучит в письме от 13(26) марта 1918 г.: «Верь народу, душа, он силен и молод, как воск в руках. Плохие руки схватили, — и тьма и анархия царствуют; но грядет царь славы и спасет, подкрепит, умудрит сокрушенный, обманутый народ»⁶⁵. Мотив обманутого народа присутствует в цветаевском стихотворении 1918 г.: «Царь и Бог! Простите малым — / Слабым — глупым — грешным — шалым, / В страшную воронку втянутым, / Обольщенным и обманутым»⁶⁶.

2.5.6. «Для Матери здешней тружусь Абалакской»: образ царицы-монахини

Образ Сибири дан на контрасте двух пределов — языческого звероподобного образа Распутина, «заговаривающего» кровь наследника («Грудь кумашная, шерсть богатая») (с. 669), и царицы Александры Федоровны в образе монахини Феодоры. Во второй части фрагмента «Вот — двое. В могучих руках — караван» царица, вышивая покров для Абалакской иконы Божией Матери*, молится милосердной Матушке-Заступнице о прощении и спасении русского народа:

Не плачу. Боюсь замочить вышивание, —
 — Зеленые ветки, Анютины глазки⁶⁷ —
 Для Матери здешней тружусь Абалакской —
 Да смилостивится... С приветом и с хлебом
 Давно уже скрылись, а все еще следом
 Киваю...
 (И слезы на пальцы, и слезы на пальцы,
 И слезы на кольца!..) О, Господи, сколько!
 Доколе — и сколько?... О, Господи, сжался
 Над малыми сими! Прости яко — ворую...
 Сестре Серафиме — сестра Феодора.

* Абалакская икона Божией Матери «Знамение» (Абалацкая, Абалацкая-Знаменская), празднование (ст. стиль) 27 ноября, 20 июля. Самая почитаемая сибирская чудотворная икона Божией Матери, покровительница Сибири.

Создавая образ царицы-монахини, Цветаева опиралась на конспиративное письмо императрицы к Вырубовой от 16 января 1918 г., написанное церковнославянским шрифтом. По причине цензурирования большевиками писем она обращалась к Вырубовой как к сестре Серафиме* от лица простой и «малограмотной» сестры Феодоры**:

Милая, дорогая, возлюбленная сестрица Серафима. От нежно любящего сердца поздравляю Вас, многолюбивая страдальница моя, с праздником Вашим. Да ниспошлет Вам Господь Бог всяких благ, доброго здоровья, крепость духа, кротость, терпение, силы перенести все обиды и гонение, душевную радость. <...> Вышиваем мы покрывалы, воздухи, на аналой покрывалы — сестры Татьяна и Мария особенно искусно вышивают, но рисунок нет больше. <...> Матушка наша Александра приветствует вас, многолюбимая сестра, и шлет вам свое материнское благословение и надеется, что вы, сестрица, хорошо поживаете в духе Христа. Тяжело вам живется но дух тверд. 2 градуса мороза, тихо на улице. Добрая сестра Серафима, будьте Богом хранимы, прошу ваших молитв. Христос с Вами.

*Грешная сестра Феодора*⁶⁸

* Вырубова особенно почитала преп. Серафима Саровского, в день памяти которого (2 января 1915 г.) она попала в железнодорожную катастрофу, в результате получила тяжелейшие травмы, но выжила. Эти два события императрица связывает в своем дневнике от 2 января 1918 г. (*Александра Федоровна, императрица*. Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой: февр. 1917 г. — 16 июля 1918 г. Новосибирск, 1999. С. 118). Ровно через год Вырубова после катастрофы открыла в Царском Селе Серафимовский лазарет. Культ преп. Серафима Саровского сближал Вырубову с царской семьей, особенно почитавшей этого святого: он был прославлен в лике святых по воле Николая II в 1903 г., с его молитвенной помощью Романовы связывали появление долгожданного наследника.

** Имя — от отчества императрицы *Федоровна* (*Феодоровна*) (греч. Θεοδωρος — Божий дар), которое она получила при переходе в православие в честь Федоровской иконы Божией Матери — покровительницы дома Романовых. Возможна отсылка и к св. Феодоре (815—867) — византийской императрице, жене императора-иконоборца Феофила, регентше при своем сыне императоре Михаиле III, канонизированной церковью за восстановление иконопочитания.

В конце письма Александра Федоровна приводила выражающие ее душевное состояние молитвы псалмопевца, взывающего о спасении (Пс. 90 : 2; 27 : 7; 66 : 2): «Господь помощник мой и защита моя. На Него уповает сердце мое и поможет мне. Боже ущедри ны, просвети лице Твое на ны и спаси нас»⁶⁹. Молитвенные образы этого письма отразятся в черновых вариантах этого фрагмента: «— Дай свету и веры и силы и знания... — / Над всеми: над теми — над *сими* — над *нами* ...»⁷⁰

В вышивании царицей в тобольской ссылке покровра для Абалакской иконы Божией Матери Цветаева также не отступила от правды факта. Вышивание покровра вызывает у царицы чувство мистической «близости Бога», Который «невидимо окружает Своим Присутствием» и от Которого «живо трепещет» душа: «Вышиваем много для церкви, только что кончили белый венок из роз с зелеными листьями и серебряным крестом, чтобы под образ Б. Матери Абалакской повесить. Солнышко блестит, греет днем и чувствуем, что все-таки Господь не оставит, но спасет, да спасет, когда все мрачно и темно кругом и только слезы льются. Вера крепка, дух бодр, чувствую близость Бога» (письмо от 5 февраля 1918 г.)⁷¹. В своем дневнике императрица отметила, что 25 декабря 1917 г., в Рождество царская семья присутствовала на «молебне перед чудотвор<ной> ик<оной> Абал<ацкой> Б<ожией> Матери»⁷². В письме от 22 января 1918 г. Александра Федоровна писала Вырубовой: «Посылаю тебе образ Абал. Б. Матери, молилась у нея, она привезена была в нашу церковь»⁷³. Любовь царицы к вышиванию церковных покрывал на аналои и воздухов свидетельствует о том, что она «пропитала православием все свое существо, притом православием приблизительно 16-го века»: «Любимым ее занятием, наподобие русских цариц допетровского периода, стало вышивание воздухов и других принадлежностей церковного обихода»⁷⁴. Опираясь на документальные источники, Цветаева раскрыла в четвертом фрагменте ключевую черту духовного облика русской царицы — ее глубокую приобщенность к средневековой религиозной традиции, мистическую настроенность.

Документальным источником восклицания и вопрошания царицы о сроках страдания России («О Господи, сколько! / Доколе — и сколько?...») также являются ее письма, в которых они звучат лейт-мотивом: «Больно думать, сколько еще будет кровопролития, пока настанут лучшие дни» (от 23 января 1918 г.); «Боже мой, сколько страдания...» (от 5 февраля 1918 г.); «Когда все это кончится? Когда Богу угодно» (от 13 (26) марта 1918 г.); «Сколько несчастных жертв!» (от 8 (21) апреля 1918 г.)⁷⁵. В письме от 10 декабря 1917 г. это вопрошание сочетается с ее материнской любовью к России как «ребенку», с верой в кенотическое милосердие Христа и Богоматери («Да смилостивится...», «О, Господи, сжался / Над малыми сими!») и горячей молитвой о помиловании и спасении страдающей родины: «Но сколько еще крови и невинных жертв?! <...> О Боже, спаси Россию! Это крик души и днем и ночью — все в этом для меня — только не этот постыдный ужасный мир*... <...> Какая я стала старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца, и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к государю, которая разрывает мое сердце, — но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь, смилуйся и спаси Россию»⁷⁶. Отмечая «бесхарактерность» русского человека, императрица называет внезапно изменившихся во время революции русских людей «большими, темными детьми», но верит, что они могут измениться и к лучшему: «Странность в русском характере — человек скоро делается гадким, плохим, жестоким, безрассудным, но и одинаково быстро он может стать другим; это называется — бесхарактерность. В сущности — большие, темные дети. Известно, что во время длинных войн больше разыгрываются все страсти. Ужас, что творится, как убивают, лгут, крадут, сажают в тюрьмы — но надо перенести, очиститься, переродиться»

* Имеются в виду переговоры в Брест-Литовске о мирном договоре между Советской Россией и Германией, который Николай II и Александра Федоровна считали убийственным для России.

(письмо от 9 января 1918 г.)⁷⁷. Близкий этим мыслям цветаевский образ вора («Прости яко — вору...»)⁷⁸ отсылает к кенотическому образу покаявшегося на кресте благоразумного разбойника из молитвы св. Василия Великого: «Приими убо и мене, человеколюбче Господи, якоже блудницу, яко разбойника, яко мытаря и яко блуднаго, и возьми мое тяжкое бремя грехов, грех вземляй мира, и немощи человеческия исцеляяй, труждающихся и обремененных к Себе призываяй и упокоеваяй, не пришедый призвати праведных, но грешных на покаяние»⁷⁹.

Последние пять строк фрагмента представляют собой экфрасис иконы — через образ «кольца», круга, выраженный повторяющимися созвучиями *коль/коле, ко*, а также фоническим и графическим нагнетанием ударных и безударных *о* («(И слёзы на пальцы, и слёзы на пальцы, / И слёзы на кольца!..) О, Господи, *сколько!*», «Доколе — и сколько?...», «Прости яко — вору...», «сестра Феодора»), создается образ нимба на Абалакской иконе Божией Матери* и над вышивающей для нее покров царицей. Образ покрыва соотносим с омофором Божией Матери в письмах Александры Федоровны: «Теперь я все иначе понимаю и чувствую — душе так мирно, все переносу, всех своих дорогих Богу отдала и Святой Божией Матери. Она всех покрывает своим омофором» (письмо от 9 января 1918 г.)⁸⁰; «Христос с вами! Святая Богородица да покроет вас своим святым омофором» (письмо от 10 (23) апреля 1918 г.)⁸¹.

Эпический 4-стопный амфибрахий, которым написано послание царицы-монахини, придает ему летописное звучание⁸². Этим «летописным» размером, а также сплошной строфой (18 строк с переносом одного слова в 13-й строке и с отрывом последней строки) Цветаева создает образ широкого покрыва, вышиваемого сестрой Феодорой. О летописном характере поэмы свидетельствует и признание Цветаевой, что она переписывала ее, «как древле монахи» (т. 7, с. 531).

* Богоматерь изображена с воздетыми в молитве руками (Оранта) и с Богомладенцем в небесной сфере на груди. Композиция иконы строится на лейтмотиве круга, образуемого воздетыми вверх руками Богоматери и складками Ее мафория, нимба Богоматери и небесной сферы с Богомладенцем в нимбе.

2.5.7. «Обитель на горе»: духовное пространство

Ключевым символом в пятом (вершинном) фрагменте поэмы, посвященном молитве царицы за Россию, выступает «обитель на горе» (с. 671). Этот образ определил природный ландшафт Тобольска, основанного в 1587 г. на мысу высокой террасы Иртыша — «Велицей горе Алафейской» (коренная ханская земля (тюрк.)). На этом природном кряже был воздвигнут белокаменный кремль с Софийско-Успенским собором (1683—1686) и многоярусной колокольней (1799), символизирующий Тобольск как центр русского государства и православия в Сибири. Величественным видом Тобольского кремля на «горе» восторгался путешественник начала XIX в.: «Первое, что представилось взору моему, есть гора, увенчанная огромными каменными зданиями, и с величием, подобающим гордой столице Сибири, взирающая на полдень. <...> Кажется, что сии здания нарочно и в одно время строены для того, чтоб дать блистательный вид украшаемой ими горе»⁸³.

В тобольской ссылке царской семье было запрещено посещать кремль. В письме от 15 декабря 1917 г. Александра Феодоровна писала: «Чудные дни — яркое солнце, все розовое блестит — инеем покрыто, светлые лунные ночи. Наверно, идеально на горе, а они [Николай II и дети] бродят по двору... Так хотелось бы приобщиться Св. Таин, но так неудобно все теперь — на все надо просить позволение»⁸⁴. Великая княжна Мария Николаевна писала в письме к З. С. Толстой: «Ужасно было грустно, что нам ни разу не удалось быть в соборе и приложиться к мощам Св<ятого> Иоанна Тобольского»⁸⁵.

Образ обители отсылает и к двум монастырям в окрестностях Тобольска — женскому Иоанно-Введенскому (1653) и мужскому Свято-Знаменскому Абалакскому (1783). Монахини Иоанно-Введенской обители приносили Романовым продукты, передавали записки, прятали в монастыре их ценности. Царская семья планировала переехать «на жительство в Ивановский монастырь», но этого не случилось из-за ужесточения условий ссылки⁸⁶. Абалакский монастырь, находящийся на высоком берегу Иртыша, назван в честь

Абалакской иконы Божией Матери, явившейся в 1636 г. на этом месте и повелевшей построить здесь церковь. Судя по дневниковой записи Николая II от 12 августа 1917 г., царская семья побывала в Абалаке сразу после прибытия в Тобольск, когда несколько дней жила на пароходе в ожидании заселения в губернаторский дом: «В 3 часа спустились по Иртышу и пристали к подножью высокого берега, куда давно хотелось попасть. Немедленно влезли туда со стрелками и затем долго сидели на лысой сопке с чудным видом»⁸⁷.

Образ тобольских «гор», выражающий мистическую отрешенность духа, молитвенную устремленность царицы, присутствует в письме к Вырубовой от 15 декабря 1917 г.: «Мирское все проходит: дома и вещи отняты и испорчены, друзья в разлуке, живешь изо дня в день. В Боге все, и природа никогда не изменится. Вокруг вижу много церквей (тянет их посетить) и горы»⁸⁸.

Образ святой горы (гора — любимейший цветаевский символ*) создается в двух двуступициях пятого фрагмента рифмой «горе — коре» (в созвучии *оре* звучит и лат. *oro, orare* — молюсь, молиться), а также фоническим и графическим нагнетанием ударных и безударных *о* как символа Горы — места присутствия Бога:

Обитель на горе.
Молитва на коре.
<...>
Тому, кто на Горе —
Молитва на коре...

В образе тобольской «Горы» проступает гора как ключевой библейский архетип, символ духовной высоты, молитвенной уст-

* В письме к С. Андрониковой-Гальперн от 20 августа 1929 г. Цветаева признавалась: «Горы люблю больше всего: всей *нелюбовью* к морю (лежащему) и целиком понимаю Ваше восхищение (NB! — от земли!)» (т. 7, с. 124). Романтическая символика горы является ключевой в «Поэме Горы» (1924, 1939).

ремленности к Богу, Богообщения, Божьего присутствия и жертвы (Голгофа)*.

Эта соотношенность сибирского ландшафта с ландшафтом Святой Земли находит свое подтверждение в письмах Александры Федоровны, в которых произошедшую в России социальную катастрофу она воспринимает сквозь призму Священной истории, видя в страдающей за грехи России аналогию с историей Израиля: «Верь, дорогая, Господь Бог и теперь тебя не оставит. Он милостив, спасет дорогую, любимую нашу Родину и до конца не прогневается. Вспомни Ветхий Завет, все страдания израильтян за их прегрешения. <...> Ведь очень согрешили мы все, что так Отец Небесный наказывает своих детей. Но я твердо, непоколебимо верю, что Он все спасет, Он один это может» (письмо от 9 января 1918 г.)⁸⁹. Во время ссылки императрица занималась с Алексеем чтением Ветхого Завета, а с дочерьми — чтением пророков Исайи, Иеремии, Иезекииля и др.

Свои страдания и страдания семьи императрица воспринимала как следование за Христом в Его Крестном пути на Голгофу: «Спаситель пришел, показал нам пример. Кто по его пути, следом любви и страданья идет, понимает все величие царства небесного. <...> Живешь как будто тут и не тут, видишь другими глазами многое» (письмо от 2(15) марта 1918 г.); «поклоняемся Его кресту, и понесем с Ним тяжесть креста. Не чувствуешь ли его Его помощь, поддержки несения твоего креста. Невидимо Его рука поддерживает твой крест, на все у Него силы хватить; наши кресты только тень Его Креста» (письмо от 20 марта 1918 г.)⁹⁰.

* В Ветхом Завете гора — место Богоприсутствия, Его неприступной славы («святая гора»), на которой построен Иерусалим и храм Соломонов (2 Пар. 33 : 15; Пс. 2 : 6; 67 : 16)), место Боявления Моисею. В Новом Завете гора — пространство Преображения Господня («гора высокая» Фавор (Мф. 17 : 1; Мк. 9 : 2), искушения Христа («высокая гора» — Мф. 4 : 8; Лк. 4 : 5), Нагорной проповеди о блаженствах (Мф. 5 : 1), распятия (Голгофа — Мф. 27 : 33; Мк. 15 : 22; Ин. 19 : 17), вознесения (Деян. 1 : 12), а также духовного вознесения ап. Иоанна Богослова в Апокалипсисе.

Христоподобие этого страдальческого пути выражают приводимые Александрой Федоровной в письме слова прп. Серафима Саровского, которые Вырубова поставила эпиграфом к своим воспоминаниям: «"Укоряемы — благословляйте, гонимы — терпите, хулим — утешайтесь, злословимы — радуйтесь" (слова о. Серафима)»⁹¹. Вот наш путь с тобой. Претерпевый до конца спасется» (письмо от 20 марта 1918 г.)⁹². В словах святого — аллюзия на слова ап. Павла о «безумных Христа ради», подражающих кеносису Христа: «Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим; мы как сор для мира, [как] прах, всеми [попираемый] доныне» (1 Кор. 4 : 12—13). Этот предельный кеносис царской семьи выражается в поэме кенотическим пространством жертвенной смерти, воплощаемом в образах «лютых морозов», «кельи тесной», «канавы на краю», «тына», «плена», «слез», «обрыва на краю».

Ключевым кенотическим символом является образ березы «на краю»: «та береза, / Дороги на краю»; «дорога, / С березой на краю»; «Стояла та береза — / России на краю» (с. 671—672). Образ березы у дороги обоснован реалиями убийства царской семьи. Описывая шахту на руднике в урочище Четырех Братьев, в которую были сброшены тела убиенных, Соколов упоминает старую березу, рядом с которой на глиняной площадке разрубались и сжигались тела: «Вблизи этой площадки растет старая береза. Пять лесных дорожек ведут к руднику с большой коптяковской дороги. Они все сходятся у открытой шахты. Их так много потому, что некогда по ним вывозилась от разных шахт руда к коптяковской дороге. Эти дорожки — глухие, заброшенные; в летнюю пору они покрываются высокой травой»⁹³. Эта береза становится в поэме русским эквивалентом евангельского Древа Крестного.

Перед духовным взором Александры Федоровны предстает кенотический образ вольно страдающего Страстотерпца: «Он [Христос] вечно страдает за нас и с нами и через нас; как он и нам подает руку помощи, то и мы поделим с Ним, перенося без ропота все страдания, Богом нам ниспосланные. Зачем нам не страдать, раз Он,

невинный, безгрешный, вольно страдал? Искушаем мы все наши столетние грехи, отмываем в крови все пятна, загрязнившие наши души» (письмо от 13 (26) марта 1918 г.)⁹⁴. Канонизированная в лике страстотерпцев (РПЦЗ в 1981 г. и РПЦ в 2000 г.), царская семья отсылает к первым русским святым — князьям Борису и Глебу, павшим жертвой политического преступления и открывшим на Руси чин «страстотерпцев», в своем вольном и невинном страдании последовавших за крестными мучениями Христа. Как отметил Г. П. Федотов в известной Цветаевой⁹⁵ книге «Святые Древней Руси» (Париж, 1931), «подвиг непротивления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещеного русского народа», который с гениальной простотой младенцев пленился «образом Христа и абсолютной красотой евангельского пути»: «Чрез жития святых страстотерпцев, как чрез Евангелие, образ кроткого и страдающего Спасителя вошел в сердце русского народа — навеки, как самая заветная его святыня»⁹⁶.

Сибирь включается Цветаевой в традиционный русский духовный пейзаж: монастырь на горе (место, освященное явлением чудотворной иконы Божией Матери), береза у дороги, молитва. Насыщенность сибирского ландшафта религиозными концептами (кеносис, молитва, смиренная благодарность Богу, любовь к врагу, жертвенная любовь к России), выражающими его лирическую сущность, придает ему глубокое метафизическое измерение. Созерцательный ландшафт отражает дух русской царицы: образы горы и березы, выражая молитвенную устремленность царицы, становятся символами ее глубочайшей духовности и святости.

Цветаева сакрализует сибирское пространство, включая его в «Святую Русь» и в историко-культурный контекст христианства в целом (от ветхозаветного Эдема до Голгофы), приобщая Сибирь к пространству Священной истории. Кенотическое снисхождение царской семьи в исторический «гроб» Сибири духовно преображает ее пространство христианской жертвенной любовью, «вертикаль» которой размыкает «горизонталь» сибирской истории, преодолевая ее границы и устремляясь в вечность.

2.5.8. «И если скажешь — Сына...»: поэма как христианская трагедия

Центральный образ пятого фрагмента — молитва, начертанная «русской царицей» на бересте:

...Чтоб в келье тесной,
Рукою домовитой,
Германская принцесса —
Славянскую молитву
Чертила на листке
Сибирской бересты.

Этот образ также имеет документальную основу. В письмах от 22 и 24 января 1918 г. императрица писала Вырубовой из Тобольска: «Скорее нарисовала (очень плохо) молитву на кусочке березы, кот. он [Николай II] пилил»; «Ужасно хочу тебе сегодня стихи срисовать на березовой коре, если глаза позволят»⁹⁷. Это берестяное рукоделие царицы, как и вышивание воздушных, раскрывает в ней следование древнерусской традиции*. Образ «домовитой» русской царицы присутствует в воспоминаниях современника: «В частной семейной жизни Александра Феодоровна была образцом всех добродетелей. Безупречная, страстно любящая супруга, примерная мать, внимательно следящая за воспитанием своих детей и прилагающая все усилия к их всестороннему развитию и укреплению в них высоких нравственных принципов; домовитая, практичная и даже рассчетливая хозяйка, — вот как рисуют Александру Феодоровну все ее приближенные»⁹⁸.

Цветаева акцентирует немецкое происхождение царицы и ее православное вероисповедание, но не противопоставляя, а сближая их, что может быть объяснено и автобиографическими мотивами.

* Берестяная грамота — запись на бересте в Древней Руси XI—XV вв. Наибольшее количество грамот средневековой Руси обнаружено при раскопках в Великом Новгороде. Помимо бытовых и деловых записей, на бересте писались церковные тексты (поминания, молитвы, например: «Господи, помози рабу своему»), изображались иконки.

вами автора. Если через И. В. Цветаева (его отец был православным священником), лично общавшегося с Николаем II («монархисты оба (отец был вхож к царю)», — писала Цветаева о родителях (т. 7, с. 330)), ей становится по-человечески близок император, то через мать с ее немецкой генеалогией (ее отец, А. Д. Мейн — остзейский немец) — Александра Федоровна (урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская). Любовь к последней усиливается и цветаевским германофильством: «главная моя душа — германская», — записывает Цветаева в 1923 г.⁹⁹

Глубоко христианская молитва царицы, проникнутая смиренным благодарением Богу за все ниспосланное в жизни, соотносима с гефсиманским молением о чаше («да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26 : 39)):

— За все благодарю —
Небесному Царю.

...

— За тын, за плен, за слезы —
За все благодарю.

...

— И если скажешь — Сына... —
За все благодарю.

Образ царицы, молящейся Небесному Царю, навеян письмом Александры Федоровны к Вырубовой от 23 января 1918 г.: «Родная, когда с четками молишься, какую молитву читаешь ты на 10-ое. Я разные, Отче наш, Богородице, Царю небесный и т. д., но не знаю, верно ли так или нужно одну особенную повторять. Искала в книгах и нигде не нашла. Знаю только, что Г. И. Хр. С. Б. помяни мя грешную*»¹⁰⁰.

* Имеется в виду Иисусова молитва («Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного(ую)»), непрестанное творение которой является основой аскетической практики исихазма (от *греч.* ἡσυχία — безмолвие сердца) — древней мистической и богословской традиции восточно-христианского монашества. Слово «помяни» отсылает к словам Благоразумного разбойника на кресте: «помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» (Лк. 23 : 42).

Мотивом благодарности Богу «за все» пронизаны письма императрицы из Тобольска: «Да, прошлое кончено, благодарю Бога за все что было, что получила и буду жить воспоминаниями, которых никто от меня не отнимет» (от 8 декабря 1917 г.); «Благодарю день и ночь за то, что не разлучена со своими собственными 6 душками, за много надо благодарить, за то, что ты можешь писать, что не больна, храни и спаси тебя Господь, всем существом за тебя молюсь, а главное, что мы еще в России (это главное)» (от 24 января 1918 г.); «Только потерпи еще, душка, и эти страдания пройдут, и мы забудем о муках, будет потом только за все благодарность. Школа великая» (от 2(15) марта 1918 г.); «Как тебе дать почувствовать чем озарена моя душа? Непонятной, необъяснимой радостью, — объяснить нельзя, только хвалю, благодарю и молюсь. Душа моя и дух Богу принадлежат. Я чувствую ту радость, которую ты иногда испытывала после причастия или у св. икон. Как Тебя, Боже, благодарить? Я не достойна такой милости» (от 20 марта 1918 г.)¹⁰¹. Благодарное смирение перед Богом императрица проявила в трудные для нее дни Февральской революции, когда многие приближенные покинули царскую семью: «всех ободряла, будучи уверена, что Господь все делает к лучшему. Так учила она — не словами, а примером глубочайшего смирения и покорности воли Божией во всех грядущих событиях. Никто не слышал от нея слова ропота»¹⁰². Эта христианская благодарность «за все» восходит к словам ап. Павла: «Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе. Духа не угашайте» (1Фес. 5 : 17—19); «благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа» (Еф. 5 : 20).

Молитвенный порыв Царицы охватывает все пространство России с севера до юга — ее христианская любовь ко врагу так же бесконечна, как и сама Россия:

О чем она просила,
Канавы на краю...
Молитва за Россию:
За родину — *твою* —

Мою... От мхов сибирских
По кипарисы Крыма:
За каждого злобивца —
И все-таки любимца...

О глубочайшей любви императрицы к русскому народу даже во время заключения в Тобольске свидетельствуют современники: «Нельзя было причинить ей более сильной обиды, как сказать, что она не знает и не понимает русского народа. Она как бы жила с закрытыми глазами, не видела, что проделывали около нее обольщившиеся солдаты, и не хотела видеть в них плохих людей. Однажды на эту тему между нею и учительницей Битнер, винившей в большевизме русский народ, произошел горячий спор. Императрица расплакалась и, указывая на проходивших по улице красноармейцев, кричала: “Вон, говорят, они нехорошие! Посмотрите на них! Вон они смотрят, улыбаются! Они хорошие”»¹⁰³.

Выражая бескорыстную, жертвенную любовь царицы к России, Цветаева опиралась на ее тобольские письма, в частности на письмо от 13(26) марта 1918 г.: «Боже, как я свою родину люблю со всеми ее недостатками! Ближе и дороже она мне, чем многое, и ежедневно славлю Творца, что нас оставил здесь и не отослал дальше»¹⁰⁴. Т. Мельник-Боткина, дочь погибшего с царской семьей доктора Боткина, свидетельствовала, что «не было ни одной более русской женщины, чем была Ее Величество», которая вложила в своих детей «такую горячую любовь ко всему русскому»: «Глубоко православная, Она никогда и не была немкой иначе как по рождению. <...> После революции особенно сказалось отношение Ее Величества ко всему русскому. Пожелай Она, намекни Она одним словом, и Император Вильгельм обеспечил бы Им мирное и тихое существование на родине Ее Величества, но, уже будучи в заключении в холодном Тобольске и терпя всякие ограничения и неудобства, Ее Величество говорила: Я лучше буду полomoйкой, но я буду в России. Это — доподлинные слова Ее Величества, сказанные моему отцу. <...> несмотря на то, что от нас, русских, Она ничего не видала, кроме насмешек и оскорблений»¹⁰⁵. Жильяр приводит слова

государыни, сказанные вполголоса о возможности ее спасения немцами: «После того, что они сделали с Государем, я предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенной немцами!»¹⁰⁶.

Своей кульминации молитва царицы достигает в ее готовности пожертвовать сыном:

А если мало — плену,
А если много — тыну...
Сам назови мне цену...
А если скажешь: сына

Под кончиком пера
Коробится кора...

Стояла та Россия —
Обрыва на краю.
— И если скажешь — *Сына...* —
За *все* благодарю.

Эти строки отсылают к драматичнейшей ситуации выбора, перед которым Александру Федоровну поставил комиссар Яковлев, приехавший в Тобольск с целью увезти Николая II в Москву: ехать с мужем, чтобы защитить интересы России (она предполагала, что его хотят заставить подписать убийственный для России мир с немцами) или остаться с сыном, у которого случился самый опасный приступ за всю его болезнь. Судя по черновым записям, этот эпизод Цветаева считала одним из ключевых в поэме: «П ч. — Увоз (Яковлев) <...> Сейчас надо наметить ряд *основных* этапов, продвигающих действие. <...> *основное* — без чего *нельзя* обойтись: Что же оно? (хронологически) <...> 2. Яковлев (решение царицы)»¹⁰⁷.

О мучительнейшей борьбе в душе Александры Федоровны между чувствами государыни и матери говорят свидетельства очевидцев, записанные Соколовым: «Кобылинский показывает: “Сильно волнуясь, Государыня сказала: “Я тоже еду. Без меня опять его заставят что-нибудь сделать, как раз уже заставили” <...> Но это было не решение. Это была только мысль, вырвавшаяся от сердца, а не от разума. Что в это время было в детской с тем, кого она боль-

ше всех любила? <...> Гиббс показывает: “Он [Алексей] был очень болен и страдал. Императрица обещала после завтрака прийти к нему. Он все ждал, ждал, а она все не шла. Он все звал: “Мама, мама...” Он звал, она не шла. В этих словах все для тех, кто способен понять ее любовь к сыну. <...> Но буря была столь сильна в ее душе. <...> Он [Жильяр] показывает: “...Она была так взволнована, так страшно расстроена, как никогда раньше. <...> Она не могла сидеть. Она не находила себе покоя, ходила по комнате, нервно сжимая руки, и говорила вслух сама с собой. Вот были ее мысли. “...Я чувствую, они хотят его заставить подписать мир в Москве. Немцы требуют этого, зная, что только мир, подписанный царем, может иметь силу и ценность в России. Мой долг не допустить этого и не покинуть его в такую минуту. Вдвоем легче бороться, чем одному, и вдвоем легче перенести мучения, чем одному. Но ведь я не могу оставить Алексея. Он так болен. Я ему так нужна. Что будет с ним без меня?” Она, которая едва могла стоять более 5 минут и всегда обыкновенно сидела, вся рвалась почти в течение часа. <...> Вдруг она сказала: “Ну, это решено. Мой долг — это ехать с ним. Я не могу его пустить одного. И вы будете смотреть за Алексеем здесь”. <...> Тутельберг: ...Она сказала мне: “Не увеличивайте, Тутельс, моего горя. Это самый тяжелый для меня момент. Вы знаете, что такое для меня сын. А мне приходится выбирать между сыном и мужем. Но я решила, и надо быть твердой. Я должна оставить мальчика и разделить жизнь или смерть мужа”»¹⁰⁸.

В. И. Гурко видел в этом драматичнейшем выборе императрицы между любовью к России и материнской любовью к сыну проявление ее «в высшей степени благородной, возвышенной натуры»: «Мысли ее в тот момент всецело были сосредоточены на России, на ее благе, на ее чести, и она решается даже расстаться с наследником и тремя из своих дочерей, чтобы ехать вместе с государем и поддержать его в отказе от санкционирования чего-либо невыгодного для России»¹⁰⁹. Вспоминая вечер накануне отъезда Николая и Александры Феодоровны, Жильяр подчеркивает их готовность пожертвовать собой ради спасения России: «Государыня си-

дела на диване, имея рядом с собой двух дочерей. Они так много плакали, что их лица опухли. <...> Чувствовалось, что они готовы всем пожертвовать, в том числе и жизнью, если Господь, в неисповедимых путях Своих, потребует этого для спасения страны. Никогда они не проявляли по отношению к нам больше доброты и заботливости. Та великая духовная ясность и поразительная вера, которой они проникнуты, передаются и нам»¹¹⁰.

Сибирь — русская Голгофа: в своей жертвенной любви к России царица, готовая пожертвовать сыном ради ее спасения, соотносится с Богоматерью (в черновом варианте присутствовал образ Отца: «Дал — мира для всего — / Сам — Сына своего!»¹¹¹), вольно отдавшей Сына ради спасения человечества («и Тебе Самой оружие пройдет душу» (Лк. 2 : 35)). Мучительный конфликт катарсически разрешается жертвенной любовью и смиренной верой в Бога в заключительных словах молитвы («И если скажешь — *Сына...* — / *За все благодарю*»), свидетельствующих о духовной победе царицы. С присущим ей острым этическим сознанием Цветаева создает ту «христианскую трагедию», о насущной необходимости которой в литературе XX в. писал Г. П. Федотов, видя ее начало в романах Достоевского: «Гибель героя обусловлена неизбежным конфликтом, борьбой со злом... в окружающем мире. И в этой борьбе его силы достигают предельного напряжения и величия. <...> ...перед лицом смерти раскрывается истинное лицо человека. <...> Луч света, то есть надежды, должен прорезать мрак для того, чтобы трагедия оставалась христианской»¹¹².

В период написания поэмы Цветаева размышляла о «святом искусстве» в эссе «Искусство при свете совести» (1932) и поставила стихи К. Павловой о «святом ремесле» эпиграфом к эссе «Наталья Гончарова (Жизнь и творчество)» (1929). В эссе Цветаева констатировала расхождение в русской культуре по сути двух концепций искусства — восходящего к Аристотелю романтического подражания природе («дионисийская стихийность» Пушкина, Блока) и преодолевающего искусство евангельского подражания Христу (Гоголь, Толстой). «Поэма о Царской Семье» становится для самой Цве-

таевой опытом соединения этих двух пределов русской литературы, опытом «христианской трагедии», мо л и т в о й - п р е д - с т о я н и е м перед Богом: стихи «нужно... писать так, как будто на тебя смотрит Бог» (т. 5, с. 361).

В поэме как опыте христианского искусства Цветаева вводит экфрасис религиозной живописи. Во фрагменте о молитве царицы через повторение созвучий *ore/epo/opo/pa/ap/ory/epa/opa/po/ry* не только анаграмматически варьируется лат. *oro, orare* (молюсь, молиться), но через нагнетание ударных и безударных *o* (как и в четвертом фрагменте) фонически и графически создается экфрастический образ нимба над царицей:

Обитель на горе.

Молитва на коре.

Не знала та береза,

Дороги на краю,

Что в лютые морозы

Затем красу свою

...

Не знала та дорога,

С березой на краю,

Зачем седобородый

Старик — ножом — кору

...

Под кончиком пера

Коробится кора...

Стояла та Россия —

Обрыва на краю.

— И если скажешь — С ы н а... —

За все благодарю.

В образе молитвенно предстоящей царицы проступает и другой экфрастический мотив — картина М. В. Нестерова «Димитрий-царевич убиенный», изображающая мистическое видение в Угличе души убиенного Димитрия, предстоящего в нимбе среди высоких и тонких березок (гармонирующих с белыми шатрами церкви)

перед благословляющим его с небес Христом. Сложенные на груди руки, смеженные очи и полуулыбка на устах выражают смиренное принятие страдания (его символизирует алая, как кровь, тафья под золотой короной). Лирический пейзаж Цветаевой (царица и береза) близок лирическому пейзажу в живописи Нестерова (который художник определил как «единую душу» человека и природы) — гармоническому сочетанию лейтмотивного в его живописи национального образа березок с образом Христовой невесты. Так, композиция знаменитой картины «Великий постриг», выражающая глубокую отрешенность Христовых невест от всего земного (черные монашеские одежды), их чистоту и внутренний покой, строится на вертикальной доминанте и символике белого цвета — созвучии тонких стволов белых берез и стройных фигур белиц в белых платках с высокими свечами в руках. Таким образом, религиозная живопись Нестерова как важнейшее в русской культуре рубежа XIX—XX вв. явление христианского искусства (соединение принципов светской живописи и иконописи) выступает важнейшей традицией для цветаевской поэмы.

Посвященный молитве царицы фрагмент написан 3-стопным ямбом, отсылающим к «Молитве» М. Ю. Лермонтова («В минуту жизни трудную...» (1839)), где «трудная минута жизни» благодаря «чудной» молитве сменяется легкостью духа, выраженной чередованием 4- и 3-стопного ямба:

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеско —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

Характерной для «короткого» 3-стопного ямба отрывистостью речи (особенно в мужской рифме)¹¹³. Цветаева ритмически (а так-

же графически — через тире и многоточия) создает в молитве царицы ощущение срыва, соответствующее не только лейтмотивному образу трагической гибели — «обрыва на краю», но и выражающее порыв, победу духа в образе летящей над обрывом молитвы:

Горит, горит береста...
Летит, летит молитва...
Осталась та береста
В веках — верней гранита.

Духовная вертикаль молитвенно устремленной к Богу царицы, выраженная и образом березы, акцентируется графически — удлинённой строфикой (14 строк из 5 двустопных и 9 четверостиший), зрительно создающей в этом кульминационном фрагменте образ горящей свечи. Фрагментарный характер текста (тире и многоточия лишь подчеркивают эту фрагментарность) усиливает в духе любимых Цветаевой романтиков искренность обрывающейся на самой пронзительной ноте молитвы (жизни) и выражает принципиальную незавершенность, бесконечность не знающего смерти человеческого духа.

Судя по записи в черновой тетради от 3 апреля 1936 г., Цветаева, отмечая, что ей легче писать несюжетные, «неподвижные (вне действия) сцены (состояния)», задумывала после окончания поэмы в «больших линиях» написать «еще несколько мысленных или письменных молитв Царицы (места выписаны) — Душе моя, душе моя... (оставл[ено] для Е[катеринбур]га)»¹¹⁴. Этот кондак Великого покаянного канона преп. Андрея Критского царица вспоминает в письме от 5 (18) марта 1918 г.: «Погода дивная, сидела на балконе и старалась “Душе моя, душе моя” петь, так как у нас нет нот. Пришлось нам вдруг сегодня утром петь с новым диаконом, без спевки, шло — ну... Бог помог, но неважно было, после службы с ним опять пробовали. Даст Господь, вечером лучше будет»¹¹⁵. Кондак, который поется во время Великого поста и призывает душу перед неизбежно приближающейся смертью пробудиться от греха к раскаянию, вы-

ражает духовное состояние царицы в тобольской ссылке, ее глубочайшую религиозность.

Образ царицы предстает в цветаевских строках очищенным от исторических грехов мученической кончиной («Искушаем мы все наши столетние грехи») и вознесшимся «над временем и тяготением» на недостижимую духовную высоту. Цветаева создала глубоко христианский образ русской царицы — «высоко и одиноко» стоящей «светлой, чистой женщины, матери, друга, сестры, христианки-страдальцы»¹¹⁶, «врожденной сестры милосердия»¹¹⁷. Цветаевский образ близок к оценке личности императрицы в книге Соколова: «Битнер показывает: “В ней самым ее характерным отличием была ее величественность. Такое впечатление она производила на всех. Идет, бывало, Государь, нисколько не меняешься. Идет она, обязательно одернешься и подтянешься. Однако она вовсе не была гордой. Она не была и женщиной с злым характером, недобрый. Она была добра и в душе смиренна”»¹¹⁸. Цветаева разрушила сложившийся стереотип об Александре Федоровне как о честолюбивой, надменной и холодной императрице, который, в частности, разделял Керенский. О его парижском докладе «Крушение монархии и гибель царской семьи», на котором Цветаева присутствовала в марте 1936 г., она отметила: «Царицы К<ерен>ский недопонял: тогда — совсем не понял: сразу оттолкнулся (как почти все!), теперь — пытается, но до сих пор претывается о ее гордость — чисто — династическую, к<отор>ую, как либерал, понимает с трудом» (т. 6, с. 435).

В цветаевском видении царской семьи политика уступила место человечности, что выразилось в полемике Цветаевой с эсером В. И. Лебедевым, отметившим после цветаевского чтения поэмы, что в ней «вольно или невольно» «вышло прославление царя»: «Марина Ивановна упрекала его в смешении разных плоскостей — политики и человечности»¹¹⁹. А о позиции кадета П. Н. Милюкова, отказавшегося печатать «Открытие Музея» из-за ее «пристрастия к некоторым членам царской фамилии», Цветаева писала: «она [царская семья] для него “Фамилия”, для меня — семья» (т. 7, с. 259).

Эту же интенцию выразил 19 июля 1918 г. в своем дневнике современник Цветаевой, узнав о расстреле царя из «Правды»: «Мне думается, что я не ошибаюсь, применяя к нему шекспировские слова: “В жизни высшее он звание человека — заслужил”. В его предках было больше “царя”, чем человека, а в нем больше “человека”, чем царя. Вечная ему память! И никто не помешает мне молиться за упокой его души»¹²⁰.

Найдя «нужные простые слова», избежав политического, «социального заказа», Цветаева предстает в поэме национальным поэтом: «От прикосновенья к большой и непоправимой национальной и человеческой трагедии ее стихи стали только еще более значительными, трагическими и национальными»¹²¹.

«Поэма о Царской Семье» основывается на документальных источниках (летописи, историографические источники, письма, воспоминания современников). Метафизичность проступает в самой исторической реальности. Интертекстуальный анализ выявляет в поэме присущую поэтике модернизма смысловую многослойность, включающую в себя летописный, мифологический, архетипический, библейский, документальный, автобиографический и поэтический слои. Через «левизну» модернистской формы (анжамбеманы, неточные рифмы, полиметрия, полистрофичность...) Цветаевой удалось гениально раскрыть глубокую национальную архетипичность русской души и подлинную христианскую духовность царицы, питаемую из чистых древнерусских источников.

«Поэма о Царской Семье» — «христианская трагедия», опыт христианского искусства, в котором религиозная живопись выступает важнейшей традицией (экфрастическое воплощение иконописи, картины М. В. Нестерова «Димитрий-царевич убиенный», его духовного пейзажа).

Отрывочный, незавершенный характер фрагментов (выписанных Цветаевой в черновую тетрадь «для себя») воспринимается — в контексте романтической эстетики фрагмента и в контексте литературы XX в. с ее установкой на преодоление художественных

жанров (с их условностью) и стремлением к выражающей личность документальной форме (нелитературная «рукописность» Розанова) — как исповедальное лирическое излияние в его принципиальной незавершенности, выражающей бесконечность не знающего смерти человеческого духа.

Современник Цветаевой, полемизируя с передовицей в «Правде», пропагандистки оправдывающей убийство царя классовой ненавистью, написал пророческие слова: «А по моему простоудушному мнению, на могиле Царя-мученика не осина будет расти, а прекрасные цветы. И насадят их не руки человеческие, а совесть народная, которая выявит себя если не в ближайшем будущем, то по прошествии времени, когда пройдет этот чад, угар, когда забряцают лиры и заговорят поэты. Родится и вырастет другой Пушкин, “прольет слезу над ранней урной” и возведет печальный образ несчастного царя на благородную высоту, на которую он взлетел, свергаясь с царственной высоты в тундры сибирские. Вечная ему память и милость Божия на Суде Его Великом!»¹²².

Именно совестью и милосердием продиктованы цветаевские строки. Поднявшись над политикой, Цветаева раскрыла в поэме ту «идеальную силу» духа, о которой свидетельствовал очевидец: «Государь и государыня верили, что умирают мучениками за свою родину — они умерли мучениками за человечество. Их истинное величие не проистекало от их царственного сана, а от удивительной нравственной высоты, до которой они постепенно поднялись. Они сделали идеальной силой. И в самом своем уничтожении они были поразительным проявлением той удивительной ясности души, против которой бессильны всякое насилие и всякая ярость и которая торжествует в самой смерти»¹²³.

«Поэма о Царской Семье» — житнетворческий поступок («жить-писать и: писать — жить»), духовный подвиг М. И. Цветаевой. Дошедшая до нас в чудом сохранившихся фрагментах поэма символично отражает в своей судьбе трагическую участь царской семьи, что делает цветаевский реквием еще более подлинным и пронзительным, подобно дошедшим до нас с утратами Слову о гибели

Земли Русской» и рублевскому «Спасу» — свидетельством глубины и силы человеческого духа, прорывающегося сквозь огонь столетий. И цветаевская молитва летит к нам над обрывом истории.

¹ Цит. по: Коркина Е. Поэма о царской семье // Марина Цветаева : статьи и тексты / под ред. Л. А. Мнухина. Вена, 1992. С. 181—182.

² Слоним М. Л. О Марине Цветаевой. Из воспоминаний // Воспоминания о Марине Цветасвой. М., 1992. С. 345.

³ Там же.

⁴ «Поэма о Царской Семье». Черновые варианты отдельных строк и строф, список поправок (крайние даты: 27.01.1936 — 3.04.1936) // РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 26. Л. 78—83, 140—153 об., 156—160, 161—172.

⁵ Коркина Е. Поэма о царской семье. С. 174.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 175—179.

⁸ Цветаева М. И. Поэма о царской семье : фрагменты // Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С. 669—672. (Б-ка поэта. Бол. сер.). Далее фрагменты поэмы цитируются по этому изданию с указанием в скобках страницы.

⁹ Коркина Е. Поэма о царской семье. С. 175—188.

¹⁰ Цветаева М. И. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1994. Т. 3 : Поэмы / сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. С. 185—188, 758—760, 812—813.

¹¹ 19 июля 1918 г. в «Правде» было опубликовано правительственное сообщение: «Президиум Ц. И. К., обсудив все обстоятельства, заставившие Уральский областной Совет принять решение о расстреле Николая Романова, постановил: Всероссийский Ц. И. К., в лице своего Президиума, признает решение Уральского Областного Совета правильным». При этом уточнялось, что «жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место».

¹² Цветаева М. И. Из дневника // Цветаева М. И. Собр. соч. : в 7 т. Т. 4. С. 490. Далее ссылки на произведения и письма Цветаевой даются по этому изданию в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

¹³ Цветаева М. И. Неизданное. Записные книжки : в 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 269.

¹⁴ Там же. Т. 2. С. 278—279.

¹⁵ Слоним М. Л. О Марине Цветаевой. С. 345.

¹⁶ Чехов А. П. Письмо к А. С. Суворину от 6(18) февраля 1898 г. // Переписка А. П. Чехова : в 2 т. Т. 1. М., 1984. С. 259.

¹⁷ Цветаева М. И. Неизданное. Сводные тетради. М., 1997. С. 443, 606.

¹⁸ Там же. С. 606.

¹⁹ Там же. С. 406.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 413.

²² Там же. С. 415.

²³ Там же. С. 416.

²⁴ *Цветаева М. И.* Неизданное. Сводные тетради. С. 428.

²⁵ Там же. С. 429.

²⁶ Там же. С. 430.

²⁷ Там же. С. 436.

²⁸ Там же. С. 438.

²⁹ *Унтервальд А.* Вечер М. Цветасвой // М. Цветасва в критике современников : в 2 т. / сост. Л. А. Мнухин. М., 2003. Т. 1. С. 404.

³⁰ *Коркина Е.* Поэма о царской семье. С. 179—180.

³¹ Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 1. С. 71—72.

³² *Степанов И. В.* Милосердия двери. Лазарет Ея Величества // Возрождение (Париж). 1957. № 67, июль.

³³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Царствование Николая II : в 2 т. Берлин, 1922; *Степанов И. В.* Лазарет Ея Величества (рукопись).

³⁴ *Белецкий С. П.* Григорий Распутин. Пг., 1923 [с прил. зап. бывшего иеромонаха Иллидора «Гриша» (1912)].

³⁵ *Кизеветтер А. А.* Письма царицы // Современные записки. 1922. Кн. 13. С. 322—334 (Цветаева могла быть знакома с рецензией на эту книгу).

³⁶ *Коркина Е.* Поэма о царской семье. С. 188.

³⁷ *Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. С. 273.

³⁸ Официальный документ. Убийство Николая II // Грядущая Россия : ежемес. лит.-полит. и науч. журн. (Париж) 1920. Февр. Кн. 2; *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. Петергоф, сентябрь 1915 — Екатеринбург, май 1918 г. Вена, 1921; *Мельник-Боткина Т.* Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921; *Кологривов К.* Арест государыни императрицы Александры Феодоровны и августейших детей их величеств // Русская летопись. 1922. Кн. 3; и др.

³⁹ Есиповская летопись по Сычевскому списку // Сибирские летописи. Изд. Имп. Археогр. комиссии. СПб., 1907. С. 154—155.

⁴⁰ Есиповская летопись по списку Ундольского // Там же. С. 178.

⁴¹ *Серафимович С.* Очерки русских нравов в старинной Сибири // Отеч. зап. 1867. Т. 174, № 9/10. С. 684.

⁴² Наказ мангазейским воеводам князю Василию Масальскому и Савлуку Пушкину см.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М. ; Л., 1937—1941. Т. 1. С. 404.

⁴³ *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири // Словцов П. А. История Сибири : От Ермака до Екатерины II. М., 2006. С. 76—77.

⁴⁴ Грамота Всероссийского патриарха Филарета Сибирскому и Тобольскому архиепископу Киприану о всеобщем развращении нравов в Сибири; с упреками ему, архиепископу, за слабое попечение о своей пастве и с предписанием прочесть сию грамоту, исполненную наставлений и обличений, всенародно в церквях по всей Сибири, 11 февраля 1622 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1822. Ч. 3. С. 246. Эта грамота приводится и у Миллера (*Миллер Г. Ф. История Сибири*. Т. 2. С. 276—282).

⁴⁵ *Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири*. С. 119.

⁴⁶ Там же. С. 77.

⁴⁷ *Серафимович С. Очерки русских нравов в старинной Сибири*. С. 684.

⁴⁸ *Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири*. С. 77.

⁴⁹ *Серафимович С. Очерки русских нравов в старинной Сибири*. С. 693.

⁵⁰ Грамота Всероссийского патриарха Филарета... С. 246.

⁵¹ *Карамзин Н. М. История государства Российского* : в 4 кн. М., 1998. Кн. 1, т. 1—3. Гл. 6 : Первое завоевание Сибири, 1581—1584.

⁵² Есиповская летопись по Бузуновскому списку // *Сибирские летописи*. С. 306.

⁵³ *Серафимович С. Очерки русских нравов в старинной Сибири*. С. 732.

⁵⁴ *Соколов Н. А. Убийство царской семьи*. С. 56.

⁵⁵ Письма высочайших особ к А. А. Танеевой (Вырубовой) // *Рус. летопись (Париж)*. 1922. Кн. 4. С. 208.

⁵⁶ *Жильяр П. Император Николай II и его семья* : Петергоф, сентябрь 1915. Екатеринбург, май 1918 г. Вена, 1921. С. 195.

⁵⁷ Письма высочайших особ... С. 216, 217.

⁵⁸ *Жильяр П. Император Николай II и его семья*. С. 193.

⁵⁹ См.: *Степанов И. В. Милосердия двери*.

⁶⁰ *Ден Ю. А. Подлинная Царица*. СПб., 1999. С. 36.

⁶¹ *Коркина Е. Поэма о царской семье*. С. 177—178.

⁶² См. об этом: *Марков С. В. Покинутая царская семья, 1917—1918. Царское Село — Тобольск — Екатеринбург*. Вена, 1928. С. 30.

⁶³ Письма высочайших особ... С. 219.

⁶⁴ *Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни* // *Рус. летопись (Париж)*. 1922. Кн. 4. С. 15.

⁶⁵ Письма Высочайших особ... С. 229.

⁶⁶ *Цветаева М. И. Лебединый стан, 1917—1920* // Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. Л., 1990. С. 174. (Б-ка поэта. Бол. сер.).

⁶⁷ В письме от 25 июня 1916 г. императрицы мужу : Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 2. С. 133.

⁶⁸ Письма высочайших особ... С. 212—214.

⁶⁹ Там же. С. 215.

⁷⁰ Коркина Е. Поэма о царской семье. С. 184.

⁷¹ Письма высочайших особ... С. 223, 230.

⁷² Александра Федоровна, императрица. Последние дневники... С. 113.

⁷³ Письма высочайших особ... С. 216.

⁷⁴ Гурко В. И. Царь и Царица. Париж: Возрождение, 1927. С. 53.

⁷⁵ Письма высочайших особ... С. 217, 223, 229, 237.

⁷⁶ Там же. С. 209—210.

⁷⁷ Там же. С. 211.

⁷⁸ Мотив прощения грешника звучит и в стихотворении «Царь и Бог! Простите малым» (1918): «Царский Сын, — прости Разбойнику!» (Цветаева М. И. Лебединый стан, 1917—1920. С. 174).

⁷⁹ Последование ко Святому Причащению. Молитва Василия Великого, 1-я // Православный молитвослов и Псалтырь. М., 1993. С. 78.

⁸⁰ Письма высочайших особ... С. 213.

⁸¹ Там же. С. 236.

⁸² По Жирмунскому, «благодаря неподвижному ударению перед цезурой» амфибрахий «приобретает некоторую монотонность» (Жирмунский В. Техника стиха. Л., 1975. С. 135). Бродский отметил «естественную монотонность» амфибрахия: «Он снимает акценты. Снимает патетику. Это абсолютно нейтральный размер. Повествовательный <...> В этом размере — интонация, присущая <...> времени как таковому» (Рождество: точка отсчета. Беседа П. Вайля с И. Бродским // Бродский И. Большая книга интервью. М., 2000. С. 558). Для переложения летописного рассказа о «вещем Олеге» из «Повести временных лет» (912) Пушкин избрал чередование 3- и 4-стопного амфибрахия, ощутив близость этого размера церковнославянскому языку и духу древнерусской летописи. На «Песнь о вещем Олеге» (1822) ориентировалась Ахматова в своем библейском цикле (1921—1961) и в эпилоге «Реквиема» «Опять поминальный приблизился час» (1940) — «широком покрове» простой и древней парной рифмовки. 4-стопным амфибрахией написана «Рождественская звезда» (1947) Пастернака и «Сретенье» Бродского (1972). Цветаевский фрагмент вписывается в эту традицию поэтического переложения библейских и летописных текстов.

⁸³ Путешествие по Сибири г-на Трунина (1802) // Заварихин С. П. В древнем центре Сибири. М., 1987. С. 64.

⁸⁴ Письма высочайших особ... С. 205.

⁸⁵ Русская летопись (Париж). 1921. Кн. 1. С. 147.

⁸⁶ Волков А. А. Около царской семьи. Париж, 1928. Гл. 13.

⁸⁷ Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны, 1917—1918 : в 2 т. / ред.-сост. В. М. Хрусталева. М., 2008. Т. 1. С. 28.

⁸⁸ Письма высочайших особ... С. 209.

⁸⁹ Там же. С. 211.

⁹⁰ Там же. С. 225, 231.

⁹¹ В беседе с г. Богд-вым преп. Серафим на вопрос о том, как «проводить жизнь» ответил: «Вот что делай: укоряют — не укоряй, гонят — терпи, хулят — хвали, осуждай сам себя, так Бог не осудит, покоряй волю свою воле Господней, никогда не лести, познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это; люби ближнего твоего: ближний твой — плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь, а если по-Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти или и далее, кого Бог позовет» (*Серафим (Чичагов), митр.* Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. Н. Новгород, 2005. С. 214—215).

⁹² Письма высочайших особ... С. 232; *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы моей жизни. С. 12.

⁹³ *Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. С. 246.

⁹⁴ Письма высочайших особ... С. 229.

⁹⁵ *Цветаева М. И.* Неизданное. Записные книжки. Т. 2. С. 428.

⁹⁶ *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1997. С. 44—45.

⁹⁷ Письма высочайших особ... С. 216, 219.

⁹⁸ *Гурко В. И.* Царь и Царица. С. 7.

⁹⁹ *Цветаева М. И.* Неизданное. Записные книжки. Т. 2. С. 298.

¹⁰⁰ Письма высочайших особ... С. 218.

¹⁰¹ Там же. С. 202, 221, 225, 231, 234.

¹⁰² *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы моей жизни. С. 119.

¹⁰³ *Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. С. 80.

¹⁰⁴ Письма высочайших особ... С. 229.

¹⁰⁵ *Мельник-Боткина Т.* Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции. Белград, 1921.

¹⁰⁶ *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. С. 197; *Жильяр П.* При дворе Николая II. Воспоминания наставника цесаревича Алексея. М., 2006. С. 181.

¹⁰⁷ *Коркина Е.* Поэма о царской семье. С. 183, 188.

¹⁰⁸ *Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. С. 61—64.

¹⁰⁹ *Гурко В. И.* Царь и царица. С. 50.

¹¹⁰ *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. С. 202—204.

¹¹¹ *Коркина Е.* Поэма о царской семье. С. 185.

¹¹² *Федотов Г. П.* Христианская трагедия // *Федотов Г. П.* Собр. соч. : в 12 т. М., 2004. Т. 9. С. 323—324, 333.

¹¹³ См.: *Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М., 1999. С. 114, 115.

- ¹¹⁴ *Коркина Е.* Поэма о царской семье. С. 188.
- ¹¹⁵ *Письма высочайших особ...* С. 227.
- ¹¹⁶ *Степанов И. В.* Милосердия двери. Лазарет Ея Величества.
- ¹¹⁷ *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы моей жизни. С. 44.
- ¹¹⁸ *Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. С. 77.
- ¹¹⁹ *Слоним М. Л.* О Марине Цветаевой. Из воспоминаний. С. 345.
- ¹²⁰ *Окунев Н. П.* Дневник москвича (1917—1924). Париж, 1990. С. 203.
- ¹²¹ *Унтервальд А.* Вечер М. Цветаевой. С. 404—405.
- ¹²² *Окунев Н. П.* Дневник москвича. С. 202.
- ¹²³ *Жильяр П.* Император Николай II и его семья. С. 243.